

за текстом образу действительности — поскольку определенные отношения с действительностью моделируются самими текстами.

В итоге перед нами разворачивается не только картина эволюции стилей, но и просматривающиеся за этими стилями *облики действительности*. Разговор о литературе становится, таким образом, разговором о неких существенных тенденциях в развитии всей русской культуры первой половины XIX века. Особого упоминания заслуживает тот вклад, который вносит Маркович в изучение *утопизма* в русской культуре. Нередко полагают, будто утопизм, по большому счету, начинается с позднего Гоголя, со второго тома «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Исследователь убедительно показывает, что это не так: различные варианты утопии он обнаруживает уже у поэтов-элегиков, а также в гражданской лирике декабристов, в творчестве позднего Пушкина и даже у Лермонтова. По контрасту с тем он говорит также о другом постоянно возвращающемся лейтмотиве — о *безыллюзорности* видения реальности, о стремлении выйти к действительности, как она есть. В этом отношении особо выделяется раздел о Крылове (увиденном и истолкованном весьма неожиданно), а также раздел о Грибоедове. Напряженное внимание к осциллированию русской мысли между двумя этими полюсами (утопия vs. безыллюзорность) красноречиво свидетельствует и о масштабе личности самого ученого — человека, глубоко рефлектировавшего трагические противоречия русской культуры в целом.

За то, что курс лекций приобрел книжную форму, следует поблагодарить Е. Н. Григорьеву — ученицу Марковича и его коллегу по кафедре истории русской литературы СПбГУ.

Лекции, транскрибированные ею с аудиозаписей, прошли через ее же редакционную обработку, притом обработку чрезвычайно бережную, нацеленную на то, чтобы передать специфику *устного* слова. В соотношении с работами Марковича, напечатанными при жизни, записи его ораторской речи (изобилующей стилистическими контрастами, иногда намеренно эпатажной, зато всегда доходчивой) дают обильный материал для размышлений над двумя разновидностями научного слова.

Тексты лекций снабжены постраничными примечаниями, содержащими точные указания на источники, к которым отсылал слушателей Маркович. Подобный справочный аппарат существенно обогащает книгу как учебное пособие. В приложении помещена «Автобиография», написанная Марковичем около 2010 года, — текст лаконичный, блистательно остроумный и притом сообщающий чрезвычайно много важного «о времени и о себе». Ярко характеризует атмосферу эпохи и другой документ, опубликованный в «Приложении»: выписка из протокола заседания кафедры истории русской литературы от 22 февраля 1972 года (с обсуждением кандидатуры Марковича на должность преподавателя).

Хочется надеяться, что знаменитый некогда курс лекций благодаря состоявшейся публикации надолго останется хорошим помощником для студентов и преподавателей, для всех, кому интересна не только фактография, но и динамика развития русской литературы XIX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-259-260

© О. А. Клинг

РАЗГАДКА ТАЙН Н. В. ГОГОЛЯ*

Юрий Владимирович Манн — ведущий гоголевед. Рецензируемая книга вышла к 90-летнему юбилею ученого. Но исследователь не перестает удивляться Гоголю, ищет разгадки все новых и новых его тайн: «Ни к кому так часто <...> не применяется слово „тайна“, таинственный, как к Гоголю» (с. 101). Манн пишет: «...в противоречии — признании великого значения Гоголя для России и непризнании такового для западного мира (как видим, непризнании неоправдавшемся) — скрыт один из величайших парадоксов <...> русского писателя» (с. 7). Это проиллюстрировано в пер-

вой главе на примере повести «Нос», которую многие (да и сам Гоголь) воспринимали как шутку. Но она приобрела мировое значение. Несмотря на множество предшественников Гоголя (от Гофмана, Рабле до Сервантеса и др.), «рассмотрение повести в контексте мировой литературы привело к осознанию ее исключительной оригинальности» (с. 21). Парадокс «Носа» проявляется еще и в том, что эта повесть по-новому раскрывается в сопоставлении с «Превращением» Кафки, абсурдизмом и сюрреализмом в западной литературе XX века.

Манн считает «смелое сравнение Подколесина с Гамлетом» (с. 14) у А. А. Григорьева ключом к новому пониманию гоголевской «Женитьбы». Правда, Григорьев противопоставлял двух этих героев, а Манн пишет: «Главный

* Манн Ю. В. Н. В. Гоголь: тайны биографии и тайны творчества. М.: РГГУ, 2019. 143 с.

герой „Женитьбы“ *может быть и может не быть Гамлетом* — и отмечает «неустойчивость, изменчивость, переменчивость» (с. 41) связей и поступков героя. Автор указывает на разные грани гоголевского комедийного мира. «Мир персонажей как нечто тривиальное, мелкое и пошлое. И в противовес всему этому — человеческое, гуманное, естественное» (там же). И в этом тайна не только гоголевского Подколесина, но и его творчества в целом. Манн перекидывает мостик от Гоголя к Кьеркегору. Их связи он характеризует словами: «таинственная невстреча» (с. 44). Гоголя и Кьеркегора объединяет «заход за некую неизвестную, неизвестную границу», где «страх страшнее *страха*. Пессимизм отчаяния пессимистичнее *пессимизма*» (с. 45).

Город, который, по мнению Манна, открыл в литературе именно Гоголь, исследуется в двух главах. Ссылаясь на юговское объяснение мифологеми города женским началом, автор книги пишет: «Город — и как невеста, ее можно увлечь, обольстить, покорить. В „Ревизоре“ в роли покорителя и обольстителя выступил... Хлестаков! Хотя он так и не понял смысла и причины своей „победы“» (с. 59). Исследователь вспоминает еще одну мифологему Иоанна Златоуста — город как внутренний мир человека, как образ души. Это касается и гоголевской повести «Рим», где ученый видит город «как прибежище поэзии, вдохновения, бескорыстного служения искусству» (с. 74), в то же время отмечает «священный с Римом культ женщины-красавицы, ее чарующей силы любви и чувственной энергии» (с. 75). Манн считает, однако, что Гоголь разрушает в финале повести «Рим» эту типологию. Тем не менее исследователь в споре с Андреем Белым подчеркивает: «Прошлое погружается в вечность, настоящее переходит во „вневременное измерение“» (с. 80). Город поставил перед Гоголем вопрос о границах искусства: «Нет границы развитию <...> языка, степени проникновения его в бытие мироздания» (с. 72).

От главы к главе Манн открывает новое у Гоголя. «Мертвые души» не утопия, как считал К. В. Мочульский и другие, а «наоборот, отчасти сознательная и, во всяком случае, объективная полемика с жанром утопии» (с. 93). В названии не только этой главы («„Мертвые души“ — утопия?»), но и других — вопросительный знак. Например, в одной из них: «„Мертвые души“ — наша „Божественная комедия“?». В этом отразилась полемика со своими предшественниками в изучении Гоголя. Ученый тоже отмечает сближение с «Боже-

ственной комедией» в трехчастном замысле «Мертвых душ», где первый том — Ад, второй — Чистилище, третий — возрождение героев. Однако у него в связи этим возникают сложные вопросы. Н. И. Надеждин видел в «Божественной комедии» — «вход во внутреннее святилище поэзии романтической» (с. 96). По мнению Манна, у Гоголя нет такой привязки к современности (романтической эпохе), как в «Божественной комедии» Данте. «Однако он разделяет общее представление философской эстетики о движении и преобразовании художественных форм или этапов» (там же). В связи с интересом Гоголя к «Божественной комедии», другим проблемам Манн ставит вопрос в главе «Всемирная отзывчивость Гоголя» об его образованности и опровергает расхожее мнение о том, будто она была поверхностной.

Одной из самых больших тайн Гоголя Манн называет судьбу второго тома «Мертвых душ». Он приводит пять точек зрения относительно второго тома: 1. Сжег. 2. Не сжигал (Белый считал это метафорой: Гоголь понял, что второй том не состоялся). 3. Уничтожил по ошибке. 4. Рукопись спрятана, утаена друзьями Гоголя. 5. Спрятана врагами писателя, но может еще найтись. Убеденное мнение автора рецензируемой книги: рукопись действительно была уничтожена (с. 102–103). Как считает Манн, «психическое состояние Гоголя, происходящие в глубине души мучительные процессы были связаны с поражением творческим, писательским» (с. 115). Имеется в виду поэма как главный результат его деятельности. «Гоголь видит, что на ней, этой деятельности, уже не почит Божия благодать» (с. 116).

Атмосферой таинственности окутана так называемая «Прощальная повесть» — «культурно-мифологическая точка гоголевской таинственности» (с. 117). В главе об этой повести тоже целый спектр суждений — от Ф. М. Достоевского до современных ученых — о том, миф она или реальность. Ответ Манна: «Да, реальность, но вобравшая в себя элементы мифа, точнее даже мифостроения. Да, мистификация, но выросшая на реальной почве чувств, устремлений и жизненных обстоятельств. Чисто гоголевское совмещение, казалось бы, несовместимого» (с. 134).

Раскрывая тайны Гоголя, Манн представил писателя в своей книге под новым углом зрения. Гоголя, обращенного к сложным, порой противоречивым философским и духовным исканиям.